

«УТВЕРЖДАЮ»

Ректор ФГБОУ ВО

«Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева»

О.В. Пилипенко

2018 г.

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

на диссертацию Арифуллина Фарита Мунеровича «Общественно-политические взгляды С.П. Мельгунова 1900 – 1956 гг.», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история

Диссертационное исследование Ф.М. Арифуллина «Общественно-политические взгляды С.П. Мельгунова 1900 – 1956 гг.», общим объемом в 220 страниц, по своим структурно-системным параметрам не вызывает замечаний. Актуальность темы, избранной соискателем для диссертационного исследования, бесспорна. Диссертация традиционно включает введение, основную исследовательскую часть, собственно фактографию и ее анализ, заключение, библиографию и приложение. Во введении представлен весьма обстоятельный историографический анализ исследуемой темы и связанной с ней проблематики, вполне целесообразно и ясно сформулированы объект, предмет, цель и задачи проводимого диссертационного исследования. Во введении дается весьма квалифицированная, системно-структурированная и пространная характеристика привлекаемых к диссертационному научному изучению разнообразных и многочисленных источников, включая материалы нескольких архивов, впервые вводимые в научный оборот. Научная новизна, вытекающая из основных положений, выносимых на защиту сформулированы логично и обоснованно. Основная исследовательская часть

диссертации, выстроенная по хронологическому принципу, разделена на три главы, содержание каждой из которых концентрируется на ключевых историко-публицистических работах С.П. Мельгунова, характеризующих его общественно-политические взгляды, симпатии и антипатии в каждый из периодов его политико-публицистической деятельности. Такая структура позволяет соискателю с успехом реализовать поставленную научную цель и проследить эволюцию взглядов и политической позиции С.П. Мельгунова. Каждая из глав завершается логично формулируемыми выводами по соответствующим разделам исследования. Итоговое заключение не противоречит выводам по главам, но вполне удачно их обобщает и завершает всю совокупность проанализированных вопросов, согласуя с целью и задачами, сформулированными во введении. В общем и целом прочитанный и критически проанализированный текст диссертации позволяет считать научное исследование добротным и квалифицированным с научной точки зрения и весьма успешным по своим результатам. Сам же соискатель, Ф.М. Арифуллин своим диссертационным исследованием убеждает в том, что он является вполне состоявшимся ученым-историком, достойным присуждения ученой степени кандидата исторических наук. Хотелось бы, однако, задержать внимание на далеко не всех наиболее интересных и научно-интригующих местах диссертации Ф.М. Арифуллина, провоцирующих перспективную, на наш взгляд, научную рефлексию, что само по себе составляет бесспорные достоинства диссертации, и высказать некоторые пожелания и замечания.

Прежде всего, обратили на себя внимание термины, используемые соискателем: «февральско-мартовские дни» и октябрьский вооруженный государственный переворот» (с. 4). Откуда они взяты или введены в оборот автором?

Действительно, наиболее известным обсуждаемым сочинением или исследованием С.П. Мельгунова за рубежом и в России является его книга о «Красном терроре» в ходе Гражданской войны.

Совершенно справедливо соискатель стремится объективно оценить источниковую базу книги Мельгунова о «красном терроре», признавая если не невозможность, то, во всяком случае, трудность оценки достоверности и объективности свидетельств «очевидцев», что признает и сам Мельгунов (с. 77-79). Официальная чекистская статистика, бесспорно, сомнительна с точки зрения ее полноты, но она была. Статистика же жертв «белого террора» в этом отношении вообще условна, она не велась. Следует заметить, что и сам Мельгунов, на что обратил внимание соискатель, признал это обстоятельство: «Белый» террор, - считал исследователь, - явление иного порядка, - это, прежде всего, эксцессы на почве разнузданности и власти и мести». (С. 80). И следует отметить, что соискатель делает весьма важный вывод, касающийся книги Мельгунова о «красном терроре»: «...Сам автор понимал невозможность источниковедческого анализа и считал, что его работа – это не столько работа историка, сколько (даже скорее) работа журналиста, публициста, политика.

Таким образом, материал, который был положен в основу книги, и – самое главное! - методы работы с ним скорее соответствовали публицистическому, журналистскому сочинению, чем академическому труду учёного-исследователя. Мельгунов не подверг критическому анализу свои источники, не провёл их систематизации». (С. 79).

Следует полностью согласиться с соискателем в оценке этого труда Мельгунова, а, следовательно, и в этом аспекте его творческой деятельности, что «из всех трудов, созданных в эмиграции, эта книга Мельгунова в наибольшей степени публицистична» (с. 80), что «работа С.П. Мельгунова представляла собой обличительную публицистику, порой доводимую автором до крайних пределов». (С. 82). Это вполне обоснованный вывод соискателя, позволяющий лишь с оговорками признать Мельгунова историком.

«Белый террор отнюдь не являлся идеологией белого движения» (с. 81) и это совершенно справедливо, хотя многие «белые вожди» сожалели об

этом и, можно сказать, с лихвой «самостийно компенсировали» «этот недостаток» «белой идеологии». Уместно заметить, что «белая идеология» вообще самими «белыми генералами» не рассматривалась в качестве «идеологии». «Белое дело» самими его военными вождями декларировалось как аполитичная миссия русской армии по восстановлению государственного порядка и территориальной целостности великодержавной России. Отсюда и единственное вполне определенное политическое положение «белой идеологии» – «непредрешенчество». И в этом чрезвычайная слабость «белой идеи» (она получила более определенное оформление уже после Гражданской войны в работах И.А. Ильина) по сравнению с проработанной идеологией, которой руководствовались большевики. «Красный террор» – предельное военно-политическое выражение идеологии «классовой борьбы», заложенной в самую основу «большевистского марксизма». И в этом смысле поведение ЧК было, можно сказать, естественным для идеологии «советско-большевистского государства». На этом основывалась и сама «революционная нравственность», «революционная мораль и этика», непонятные и неприемлемые для Мельгунова, остававшегося на традиционных, так называемых (в советско-большевистской публицистике) «буржуазных» представлениях о морали. И на указанных аспектах было бы неплохо соискателю задержать свое внимание.

Статистика «рабоче-крестьянских жертв» «красного террора», приводимая Мельгуновым, тоже нуждается в достоверном обосновании. На это соискатель мог бы обратить больше внимания, как на весьма важный аспект публицистической остроты труда Мельгунова.

Соискатель отметил, что далеко не все, в том числе и из среды видных его бывших однопартийцев, разделяли мнение Мельгунова об одиозности «красного террора». Упоминается достаточно известный деятель партии народных социалистов А.В. Пешехонов (с. 81). Было бы неплохо более пространно прокомментировать его обоснования своей позиции.

Что касается деятельности Мельгунова в еженедельнике «Борьба за Россию» (с. 86 – 89 и далее), возникает вопрос об источниках сведений об СССР в 20 – 30-е гг. и степени их достоверности, хотя в общих чертах соискатель касается данного аспекта (с. 90-92 и далее). Диссертант называет журнал «Борьба за Россию» «белоэмигрантским» (с. 93). Это неточное определение (или квалификация), восходящая к политической квалификации всей эмиграции как «белой», сложившейся в советской публицистике и исторической науке. В строгом смысле, «белая эмиграция» это все-таки представители «белого движения», в основном военная эмиграция. Сами же члены «белой армии», объединенные в РОВС, отреклись от своей политической ангажированности, по-прежнему, как и в годы Гражданской войны, заявляя, что «белая армия» была и остается (в эмиграции) вне политики.

Факт участия генерала Н.В. Скоблина в похищении Кутепова (с. 95) не нашел достоверного документального обоснования. Это мнение получило свое распространение как некая ретроспекция, основанная на уже последующей деятельности Скоблина в качестве агента НКВД и его участии в похищении генерала Е.К. Миллера. Скоблин был завербован ОГПУ лишь в 1931 г. Эти обстоятельства не являются предметом исследования соискателя, но, коль скоро, он их касается, к сведениями, исходившим из эмигрантской среды, следует относиться осторожнее.

Нельзя не отметить, что проблематика исследования соискателя, в частности в рамках журнала «Борьба за Россию», естественно обратила его внимание на политические взаимоотношения с руководством РОВС, с генералом Кутеповым (с. 95 – 97), хотя почему-то не ссылается на последние фундаментальные исследования обстоятельств отношений ОГПУ – РОВС, включая похищение генерала Кутепова (к примеру, В.И. Голдина, А.А. Здановича).

Что касается очерков «Чекистский Олимп» (с. 98 – 107), соискатель пишет, что «после таких публикаций существовала реальная угроза жизни

самого Мельгунова. Сергей Петрович мог оказаться такой же жертвой похищения агентами ОГПУ-НКВД, как генералы Кутепов и Миллер и многие другие люди в эмиграции...» (с. 98). На основе чего соискатель утверждает факт (?) или делает этот вывод (?)? Он интересен, однако было бы желательным, развернуть его со ссылкой на источники. Если это умозрительное мнение соискателя (или самого Мельгунова), то оно кажется недостаточно убедительным. Мотивация действий ОГПУ-НКВД в организации похищений Кутепова и Миллера была иной и политически гораздо серьезнее, чем публицистическая угроза советской власти со стороны Мельгунова и его журнала «Борьба за Россию».

При рассмотрении книги Мельгунова, посвященной адмиралу А.В. Колчаку, желательно было бы отметить, что все-таки идеология «белого движения» зародилась еще в августе 1917 г. в «движении генерала Л.Г. Корнилова» и обрела реальность на Юге России в Первом Кубанском («ледяном») походе Добровольческой армии генерала Корнилова в начале 1918 г. (с. 113). Следовало бы обратить внимание и на чрезмерный крен Мельгунова в поисках причин катастрофы режима адмирала Колчака в партийно-политическую сторону. Что же касается позиции сибирского крестьянства, то она значительно отличалась от аграрно-крестьянской ситуации в европейской части России. Основная масса сибирского крестьянства первоначально поддерживала режим Колчака. Природа же партизанского движения в Сибири во многом коренилась в обстоятельствах и истории ее аграрно-крестьянской колонизации, внутрикрестьянских отношений. Этот аспект, недостаточно исследованный Мельгуновым, мог бы привлечь большее внимание соискателя.

Заявление Мельгунова в письма к своему однопартийцу А.Ф. Изюмову, что «объективной истории революции Вы вообще указать мне не сможете» (с. 135) показательна и уже предполагает идеологическую и свойственную ему политическую ангажированность. В данном случае необходима более четкая определенность оценки соискателя: либо

Мельгунов руководствовался «острым политическим звучанием» своего труда по истории «Октябрьского переворота», либо для него была, прежде всего, важна «достоверность выводов ученого историка» (с. 137). На этом аспекте соискателю можно было бы задержать внимание при оценке данного труда Мельгунова.

Вывод соискателя, что «Мельгунов опроверг важнейший тезис официальной советской пропаганды о том, что революционное восстание в октябре 1917 г. было делом широких масс» (с. 138) нуждается в более убедительном обосновании и неизбежно требует уже более пристального внимания к самим событиям октября-ноября 1917 г. В настоящее время вопрос этот находится в полемическом состоянии.

Приведенные выше сомнения, вопросы, замечания вряд ли можно расценивать как указание на существенные недостатки представленного на отзыв диссертационного исследования Ф.М. Арифуллина. Наоборот, чаще всего именно глубокое научное исследование, содержащее определенные, пусть частные, научные прорывы, новизну в выводах и вызывают вопросы, свидетельствующие об интересе, который оно рождает. Поэтому приведенные замечания, пожелания и вопросы не влияют на общую положительную оценку представленного отзыва.

Работа является законченным, самостоятельным исследованием, имеющим важное научное и практическое значение. Достоверность и обоснованность основных положений и выводов обусловлены методами исследования, адекватными его объекту, предмету, целям и задачам, а также непосредственным изучением источников. Личный вклад и научная значимость выводов соискателя не вызывает сомнений.

Результаты исследования, несомненно, могут и должны использоваться в дальнейших научных исследованиях и при разработке учебных и учебно-методических пособий по истории России первой половины XX вв., подготовке спецкурсов, научно-популярных изданий по истории российской революции, Гражданской войны в России, русской эмиграции, русской

общественно-политической мысли, интернет-контента патриотической и учебно-познавательной направленности.

Основные положения и выводы диссертации отражены в девяти публикациях, в том числе в семи статьях, опубликованных в ведущих рецензируемых журналах, входящих в перечень ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации. Общий объем публикаций 3,7 печатных листа. Автореферат диссертации соответствует ее содержанию и дает полное представление о ней.

Диссертация «Общественно-политические взгляды С.П. Мельгунова 1900 – 1956 гг.» полностью соответствует требованиям п. 9 Положения «О порядке присуждения ученых степеней» (Постановление Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842), предъявляемым к кандидатским диссертациям, а ее автор, Арифиллин Фарит Мунерович, заслуживает присвоения ему ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Отзыв составлен кандидатом исторических наук, доцентом кафедры истории России Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева Р.М. Абинякиным.

Отзыв рассмотрен и утвержден на заседании кафедры истории России Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева, протокол № 2, от 3 сентября 2018 г.

Заведующий кафедрой истории России,
доктор исторических наук, профессор

С.Т. Минаков

Почтовый адрес ОГУ им. И.С. Тургенева: 302026 Орел, ул. Комсомольская, 95, тел. (4862) 77-73-18; E-mail: rector@univ-orel.ru

Почтовый адрес исторического факультета: 302001 Орел, Воскресенский переулок, д. 5, учебный корпус №7, тел. (4862) 76-07-68;

E-mail: historiki-osu@mail.ru

Минаков С.Т. заверяю.
Заместитель секретаря ученого совета
факультета ВО "Орловский государственный
университет имени И.С. Тургенева"
Н.Н. Чаадаева